

Те Сюань страдал. И дело было вовсе не в боли от вонзающихся в плоть серебряных игл.

На самом деле, когда острое входит в акупунктурную точку, это ощущается лишь как слабый укус лесного насекомого — легкая, мимолетная резь. В холодный, а затем в жаркий пот его бросало от того, что Янь Нанью называл «техникой раскрытия каналов и оживления точек». От этого мышцы сводило судорогой, а тело деревенело.

Нанью велел расслабиться и запомнить путь, по которому течет энергия, и Те Сюань, стиснув зубы, изо всех сил пытался подавить дрожь. Наставник предупредил: чем сильнее боль сейчас, тем больше шансов в будущем пробить каналы Жэнь и Ду. Те Сюаню оставалось только терпеть. Однако, когда Янь Нанью направил в его тело поток ледяной внутренней силы, парень не выдержал и хрипло вскрикнул.

Этот холод, подобный январской вьюге, мгновенно заставил его зыкнуть в ознобе. Но то были лишь «заморозки». Когда ледяная волна потекла по меридианам, Те Сюаню показалось, будто внутри него орудует стальное шило, безжалостно кромсающее плоть. Вслед за холодом пришел жар — каналы горели так, словно по ним водили раскаленным углем.

Эта смена температур была куда мучительнее любого одиночного воздействия. Те Сюаня то бросало в пекло, то окунало в ледяную прорубь; в какой-то момент даже мысли его застыли, не в силах совладать с агонией.

Прошло немало времени, прежде чем боль утихла. Внутренняя сила, послушно следуя по заданному маршруту, теперь напоминала прирученного зверька — она текла весело и бодро, не причиняя вреда. Тело наполнилось уютным теплом, а выступивший пот принес странное, глубокое облегчение.

В этом полузабытьи Те Сюаню почудилось, будто он вернулся в родную деревню. Жаркая кузница, товарищи с обнаженными торсами, привычный звон молотов... Там, среди запахов железа и огня, ему всегда было покойно. Послековки каждого клинка он так же обливался потом, чувствуя эту блаженную усталость. Именно там было его место.

— Можешь вставать, — Янь Нанью коротким движением руки собрал все три иглы.

Те Сюань медленно сел и с ужасом увидел, что скамья под ним совершенно мокрая. Неужели из него вышло столько влаги?

— Смотри, — Нанью протянул руку. На белой ладони лежали три иглы, и кончик каждой был черным как сажа.

С детства Те Сюань слышал, что серебро чернеет от соприкосновения с ядом. Теперь у него не осталось сомнений: его действительно отравили.

— Этот яд не убивает сразу, — невозмутимо пояснил Янь Нанью, вытирая иглы чистым платком. — Если прекратить его прием, тело со временем само очистится. Но при постоянном употреблении человек глупеет. Реакции замедляются, разум деградирует, пока мужчина не превращается в беспомощного младенца. Тот, кто это сделал, хотел не твоей смерти, а полного контроля над тобой. Именно поэтому я подозреваю кого-то из близких.

Лицо Те Сюаня осунулось.

— Не ломай голову попусту. Не знаю, какие секреты ты хранишь, но раз уж я решил взять тебя в ученики, то в обиду не дам. Пока не болтай о нашем уговоре. И еще: держись подальше от этой Мо Чжэньчжэнь и Цинь Ваня.

Голос Нанью был холодным, в нем проскользнула какая-то застарелая горечь. Те Сюань хотел было возразить — не из слепого доверия, а из осторожности.

— Брат Янь, может, лучше пусть остаются? Если они действительно что-то замышляют, внезапное изгнание даст им понять, что я обо всем догадался.

Янь Нанью одобрительно кивнул:

— Верно мыслишь. Голова тебе дана не только для того, чтобы в нее есть.

Те Сюань смущенно поскреб затылок, выдавив глуповатую улыбку, но тут же помрачнел:

— Мне горько думать, что это мог быть кто-то из них...

— Люди встречаются и расходятся, таков закон, — Нанью хлопнул его по плечу. — Не принимай это слишком близко к сердцу.

На ужин подали свежесловленных речных креветок, рыбу и домашнюю курицу. На гарнир были дикие травы, собранные на склонах за городком. Жители Городка Лазурного Омута искренне любили Янь Нанью и Янь Цина — едва узнав о гостях, они сами притащили продукты, которые обычно приберегали к Новому году.

Цинь Вань, бледный после ранения, заметно приободрился после горячей трапезы. Мо Чжэньчжэнь, которую Янь Нанью позвал от А-Ци, всюю хлопотала у стола вместе с хозяйкой дома, расставляя тарелки и разливая рис. Хозяева лишь переглядывались с понимающими улыбками.

Те Сюань же сидел молчаливее тени. Он не собирался устраивать сцен, но и говорить было не о

чем. Он не мог спросить Цинь Ваня: «Это ты меня травил?» — и не мог задать тот же вопрос девушке. Тень подозрения легла между ними, и избавиться от нее было непросто.

— Те Сюань, почему ты не ешь курицу? — Цинь Вань прервал его раздумья, положив ему в чашу сочную ножку.

Те Сюань впервые по-настоящему задумался об их отношениях. Там, на берегу, Цинь Вань был явно недоволен, в его взгляде даже сквозило отвращение. Почему же теперь он снова само очарование?

Если бы можно было повернуть время вспять, Те Сюань не знал, поступил бы он так же. Но теперь он понимал: поправлять волосы Цинь Ваню, не задумываясь о последствиях, было верхом безрассудства.

Увидев близость Янь Нанью и Янь Цина, Те Сюань больше не мог обманывать себя. Раньше он свято верил в их с Циньванем «братскую дружбу», но в моменты безотчетного забытья перед его мысленным взором всплывало вовсе не лицо товарища по оружию. Инстинкты — штука тонкая, им не нужно учиться, как животному не нужно учиться искать пару. Те Сюань осознал, что его чувства к Цинь Ваню далеки от простых и понятных уз товарищества.

— Ты в порядке? — Цинь Вань слегка нахмурился.

— А? Да, просто задумался... Спасибо, — Те Сюань быстро отправил мясо в рот.

— Мы же братья, за что тут благодарить? — мягко улыбнулся Цинь Вань.

Те Сюань жевал, чувствуя, как кусок встает комом в горле. Сколько еще продлится этот маскарад? Одно дело — симпатия, и совсем другое — быть идиотом, изливающим душу человеку, который, возможно, медленно превращает тебя в овоща.

Мо Чжэньчжэнь тоже подложила ему зелени.

— Брат, ты говорил, что хочешь найти лекаря... Тебе нездоровится?

— Все хорошо, не переживай, — привычно улыбнулся Те Сюань.

Девушка помедлила и переложилла остатки зелени в чашу Цинь Ваня:

— Брат Цинь, попробуйте и вы...

Цинь Вань попытался вежливо отказаться, но безуспешно.

— Ешь сама, я возьму, если захочу...

В его тоне не было грубости, он оставался воплощением благородства, но Те Сюань видел, как Мо Чжэньчжэнь мгновенно поникла. Парень невольно вздохнул: почему люди не могут быть друг с другом честными?

Ужин был великолепен. Мелкие креветки, обжаренные в тесте с кинзой, хрустели на зубах, открывая нежную сердцевину. Рыбный суп с белоснежным тофу благоухал свежестью. Курица, томленная в особом соусе, буквально таяла во рту. Даже горьковатые дикие травы, заправленные уксусом и сахаром, были чудо как хороши. Но, кажется, вкус еды по-настоящему ценили только Янь Нанью и его спутник.

А-Ци, поймав взгляд Янь Цина, вдруг резко отложила палочки:

— Я наелась. Пойду к себе.

Те Сюань проследил за ее взглядом и все понял. На шее Янь Цина виднелось красное пятно — отметина недавней страсти, то скрывавшаяся за воротником, то вновь являвшаяся миру при движении. А-Ци, давно сохнувшая по Нанью, не могла этого не заметить. Ее надежды окончательно рассыпались прахом.

Когда она ушла, Нанью лишь на мгновение проводил ее взглядом, оставшись совершенно бесстрастным.

— Я пойду прилягу, — Те Сюань решил, что с него хватит.

Мо Чжэньчжэнь даже не повернула головы, целиком поглощенная Цинь Ванем, который меланхолично пересчитывал рисинки в чаше.

— Те Сюань, — окликнул его Янь Нанью, — если тебе тесно спать вдвоем на одной кровати, скажи. Я найду еще одну.

— Сяо Синь, ты чего! — тут же вклинился Янь Цин. — Они же как мы, пусть спят вместе. Ты обещал вечером со мной поиграть!

Те Сюань покраснел до корней волос. Теперь-то он прекрасно понимал, что значит это «как мы». Он буквально сбежал в гостевую комнату.

Вскоре пришел и Цинь Вань. В комнате сразу стало тесно. Те Сюань пытался игнорировать его присутствие, но получалось плохо — на лице невольно отразилось смутение.

— Тебе сегодня не по себе, — Цинь Вань смочил полотенце в тазу и протянул его другу.

Те Сюань взял его — ткань была обжигающе холодной. Смахнув пот с лица, он буркнул:

— Спасибо, Цинь Вань.

— К чему такая официальность? — улыбнулся тот.

Разговор не клеился. Цинь Вань сел рядом, пытаясь разрядить обстановку:

— Где ты пропадал днем? Лекарство, что ты принес, отлично помогло.

— Брат Янь попросил помочь по хозяйству, — уклонился от прямого ответа Те Сюань.

Наступила тишина. Наконец парень решил прощупать почву:

— А где Чжэньчжэнь?

Цинь Вань на мгновение недовольно взглянул, что не укрылось от Те Сюаня.

— Сказала, что поможет с посудой и пойдет к А-Ци.

«Похоже, она ему совсем не интересна», — подумал Те Сюань. Значит, надежды девушки напрасны.

Его снова одолели сомнения. Если верить Янь Нанью, отравитель — скорее всего Цинь Вань. Но зачем ему это? Карта сокровищ? Те Сюань в ней ничего не смыслил; если бы Цинь Вань попросил, он бы отдал ее просто так, в память о мастере Те. К тому же Цинь Вань столько раз выручал его в пути и даже получил внутреннюю травму, защищая его...

Хотя... если вдуматься, во всем этом было много странного. Загадочная смерть Тысячерукого Будды от рук людей Эмэй, их собственный таинственный уход... Если Цинь Вань — отравитель, не он ли приложил руку к гибели Лянь Цинъюня?

Те Сюань почувствовал, что голова идет кругом, и решил оставить раздумья. Они начали раздеваться ко сну.

Те Сюань, чье тело после процедур и ванн так и пылало жаром, скинул верхнюю одежду и первым забрался на кровать, отвернувшись к стене. Цинь Вань, который мерз больше обычного, провозился дольше.

— Те Сюань, у тебя что-то на уме? — Цинь Вань присел на край постели.

У парня пересохло во рту. Одно дело — подозрения, другое — эта странная, неуместная тяга к человеку, который сейчас сидит так близко. Те Сюань невольно вспомнил, как днем касался волос друга, и как тот отпрянул, словно от прокаженного.

— Если ты из-за Чжэньчжэнь расстроен... — вздохнул Цинь Вань, — поверь, я не собираюсь вставать между вами.

Те Сюань чуть не рассмеялся от этой нелепости. К девушке он не чувствовал ничего, кроме дружеского расположения, а вот на Цинь Ваня реагировал так, что самому было тошно. Теперь он осознавал: он просто грешный смертный, польстившийся на чужую красоту. Но разве можно в этом признаться? Цинь Вань сочтет его безумцем. Да и как доверять человеку, который, возможно, виновен в гибели его деревни?

— Если не веришь, я ничего не могу поделать, — Цинь Вань улегся рядом. — Время покажет, что к Мо я не питаю никаких чувств.

Те Сюань чувствовал его дыхание совсем рядом. Казалось бы — просто повернись, и увидишь его лицо. Но эта простая задача стала невыполнимой.

Он лежал, борясь с жаром — и физическим, и душевным. Ему было не по себе от осознания собственной инаковости, хотя особого отвращения к себе он не испытывал. Мастер Те учил его ковать железо, а люди в деревне были простыми и добрыми — никто не говорил ему, что любить мужчин нельзя. Но любить Цинь Ваня было неправильно. Тот явно не отвечал взаимностью, да и положение их было слишком разным. Те Сюань чувствовал себя рядом с ним деревенщиной, годной лишь в слуги.

Парень заворчался, пытаясь унять нарастающее беспокойство.

— Да что с тобой? — не выдержал Цинь Вань.

Те Сюань хотел было ответить, но в этот момент снаружи раздался шум.

Городок Лазурного Омута был настолько мал, что любой громкий вздох на окраине становился достоянием общности. Говорили, что если в одном доме кто-то слишком резко повернется во сне, соседи на другом конце улицы проснутся.

Это, конечно, было преувеличением, но Янь Нанью прекрасно помнил, как ночные забавы перевозчика А-У и его жены стали темой для обсуждения на неделю. На следующий день все мужчины подмигивали А-У, а женщины краснели при его виде. Сам же А-У несколько дней

ходил с синяками под глазами, гордо задрал нос.

Янь Цин в своих порывах и вовсе не знал границ. Если у него разыгрывалось настроение, шум стоял такой, что крыша ходила ходуном. Весь город знал об их отношениях, но, поскольку лекарь был отменным, а его безумный спутник — безобидным, никто не осмеливался говорить об этом вслух.

Сегодня же все было иначе. Когда Янь Нанью почувствовал неладное, одна его рука была привязана поясом к изголовью кровати, а Янь Цин всю возился сверху, весело перебирая его волосы и щипая за уши.

— Хватит, — Нанью попытался оттолкнуть его свободной рукой. — Снаружи что-то происходит. В это время в Городке Лазурного Омута не должно быть чужаков.

Янь Цин, прерванный на самом интересном месте, обиженно надулся:

— Сяо Синь, ты жульничаешь! Мы же еще не начали играть!

Его глаза покраснели, он явно был готов разрыдаться. Но Нанью было не до утешений. Он быстро высвободил руку, накинул халат и подошел к окну. Одним резким движением он распахнул ставни.

Внизу, на реке, царил обманчивая тишина, но за поворотом канала небо пылало от множества факелов. Доносились крики, топот и плеск воды — судя по звукам, к берегу причалило несколько крупных судов.

В такой глуши не могло быть ни торговых караванов, ни праздных богачей. Вывод напрашивался сам собой: неприятности их нашли.

Янь Нанью обернулся к Янь Цину, который все еще сидел на кровати, нахохлившись:

— Одевайся скорее. Кажется, у нас гости.

Словно в подтверждение его слов, в домах вдоль канала начали одно за другим открываться окна. Город просыпался. Люди тревожно переглядывались, вглядываясь в темноту.

Янь Нанью быстро собрал дорожный узел, пока Цин нехотя натягивал сапоги.

— Сяо Синь, ты куда? — Янь Цин испуганно схватил его за руку. — Ты обещал не бросать меня!

Нанью мягко коснулся его щеки:

— Не бойся. Главное — держись за меня. Пока я жив, с тобой ничего не случится.

<http://bllate.org/book/17419/1658007>